

Ж. В. Ганиев

*Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
vlad.ganiev@yandex.ru*

АРГУМЕНТЫ К ЭТОСУ И ПАФОСУ У ДОСТОЕВСКОГО-ЖУРНАЛИСТА (К РИТОРИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТОВ)

Аргументы к этосу («нравы») и к пафосу («страсти») – главная часть любого персуазивного произведения. В особенности это относится к публицистике или к ораторскому выступлению.

Среди «нравов» особо выделяются аргументы *ad hominem*, где ставятся под сомнение честность, моральные стандарты, человеческие качества оппонента.

Используя аргументы к пафосу, автор вызывает у читателей или у аудитории чувства, которые необходимы для достижения стоящих перед ним целей. Одна из разновидностей аргументов к пафосу – стремление вызвать сострадание к личности, стоящей в центре риторического произведения (см. об этом, например [Хаззагеров, Лобанов 2004: 142–156]).

Что касается обращения к риторическому наследию Ф. М. Достоевского – это стало традицией в русистике после блестящей книги В. В. Виноградова «О художественной прозе» (1930) [Виноградов 1980]. Указанная книга Виноградова также явилась объектом для исследования ([Чудаков 1980; Рождественский 1980; Ганиев 2012] и другие).

«Дневник писателя. 1876» является важнейшим произведением для заключительного периода творчества Ф. М. Достоевского (см. [Бердяев 1994; Бурсов 1982; Виноградов 1980] и др.). Так, Б. И. Бурсов писал, что Достоевский не был бы Достоевским без «Дневника писателя»: *...Его журнализм занимает более существенное место, чем у какого-либо другого русского романиста* [Бурсов 1982: 451]. Нас особенно интересует публицистическая глава II из февральской книжки «Дневника» (1876), на которую обратил внимание в 20-е годы В. В. Виноградов [Виноградов 1980], а до него и другие – российские писатели, журналисты, знатоки юриспруденции. Современники Достоевского называли эту главу шедевром (см. [Достоевский в воспоминаниях...1990: 299]) и говорили: *...Эта статья не утратит своего значения и будет служить живым*

укором и обществу, и адвокатуре, и всем нам ([там же: 330–331]; см. также [Фридлендер: 299, сн. 2]). И ещё сказано: *Журнализм писателя граничит с проповедничеством, а то берет на себя открыто функции проповедничества. ... В Достоевском наблюдаем полную слитность проповедника и художника. Он проповедует как художник, а творит как проповедник* [Бурсов 1982: 469]. Это полностью относится к упомянутой главе II, посвященной судебному делу Кронеберга, обвинённого в истязании малолетней дочери. В конце своей жизни акад. В. В. Виноградов в беседе вспоминал об этом судебном процессе, отклики на который в свое время потрясли его: *... Был в 70-х годах [XIX в.] нашумевший процесс о ... Кронеберге, который зверски обращался со своей маленькой дочерью и был привлечен за это к суду. И вот знаменитый тогда адвокат Спасович произнес защитительную речь, в которой он правдой и неправдой доказывал невиновность Кронеберга. Достоевский по этому случаю написал художественную статью в «Дневнике писателя», Салтыков-Щедрин тоже отозвался на это, но каждый со своей точки зрения. ... Моя задача состояла в том, чтобы показать, как можно об одном предмете говорить по-разному, и совсем не поэтически, а риторически* [Виноградов 1975: 268–269]. Таким образом, В. В. Виноградов впервые в нашей филологии применил метод сличения риторических позиций трех известнейших авторов 70-х годов – В. Д. Спасовича, Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Достоевский читал материалы о процессе в известных петербургских газетах в течение 10 дней, был знаком с фельетоном А. С. Суворина по этому же поводу в «Биржевых ведомостях», но ничто так не взбудоражило Достоевского, как постановка судебного обвинения, ход процесса и, главное, речь В. Д. Спасовича. Вот это волнение русского совестливого человека и стало источником душевной энергии во всех риторических моментах очерка, предъявивших аргументы к этосу и аргументы к пафосу. Ф. М. Достоевский выступает в нем как защитник достоинства дитяти, защитником его личностных прав и права ребенка на семью. Никто на процессе – ни обвинители отца, ни адвокат – не заикнулись об этом. Степень развитости общества видна по тому, что только в последние десятилетия нашего времени публично ставится вопрос о детях именно так, как сформулировал его Достоевский, не имевший юридической подготовки, но оценивший всё произошедшее как истинно православный человек (см.

[Бурсов 1982: 7,17)]¹. В подготовительных материалах к очерку Достоевский писал: *Я бы удивился, если б в Евангелии была пропущена встреча Христа с детьми и благословение детей* [Достоевский 1981: 56]. В Евангелии от Матфея (гл. 19, стихи 13-15) читаем: *Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И возложив на них руки, пошел оттуда.*

Анализируемые публицистические тексты в своей последовательности располагаются так: суд с участием присяжных заседателей состоялся 23-24 января 1876 г. – на нем с речью выступил В. Д. Спасович, Санкт-Петербургская газета «Голос» поместила подробный отчет Г. К. Градовского («скрывшегося» под псевдонимом) начиная с 24 января, с этой корреспонденцией вечером того же дня случайно ознакомился Ф. М. Достоевский и с великим волнением (это его тема!) поехал тем же поздним вечером за подробностями к очевидцу процесса и через три недели написал очерк в февральскую книжку «Дневника» [Достоевский 1981]; позже был написан очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина [Салтыков-Щедрин 1973]. Процесс для России был беспрецедентным, никогда до этого суд, ставший гласным после 1864 года, не касался жалоб об избивении детей со стороны родителей. *Дело Кроненберга не могло не возбудить общественного внимания. Одни, без сомнения, встревожились этим процессом, опасаясь иметь в нем опасный прецедент для вторжения государственной власти в область семейных отношений; другие, наоборот, желали видеть в этом случае новый пример обуздания тех возмутительных злоупотреблений родительской властью, которые не редкость еще встретить в наше время* (газета «Голос», 1876). *...Известность, которую приобрел этот процесс, очевидно, послужила толчком для возбуждения в разных городах еще нескольких подобных дел...* [Фридлендер 1981: 346].

Оценки лжи и истины, добра и зла за две с лишним тысячи лет в Европе практически не изменились. Софистика, эта изначальная риторика, учила правилам речевого поведения «человека без предрассудков», а Сократ, который стал впоследствии для человечества идеалом чести, совести мудреца, погибшего в

¹ При жизни писателя ударение для многих было иным, чем сейчас, то есть на *ó*: *Достóевский* – не правда ли, говорящая фамилия! (по названию родового имени XVI в. *Достóево*). В наше время введение должности уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ прозвучало почти как «иностранная идея»: для названия должности привлекли шведско-английское слово *омбудсмен*.

борьбе за подлинную мораль, бился за благо, каковым считал истину и знание.

Почти такой же риторический «расклад» случился вокруг процесса по делу Кронеберга: обвинение, как оно было сформулировано, и защитительная речь Спасовича – настоящая софистика, а Достоевский, который в этом вопросе встал во главе передовой общественности, – борец за истину в сократовском духе. А истиной в этом резонансном деле стали нормы, которых вообще не было в российском судебном законодательстве (права ребенка, отстаивание достоинства ребенка, право ребенка на семью). Всё изложенное Достоевским остаётся актуальным сейчас и еще долго будет оставаться недостижимой целью для тысяч детей в стране.

Поскольку сам процесс, где центральное место занимала речь Спасовича в защиту подсудимого Кронеберга, закончился победой софистики, а отклик Достоевского, Салтыкова-Щедрина и других был все-таки откликом, который был с воодушевлением встречен демократическими кругами, – логично показывать каждый раз очередной риторический прием Спасовича и реакцию на это Достоевского. Салтыков-Щедрин, со своей стороны, поднимает судебный прецедент по делу Кронеберга на следующую ступень абстракции и редко отвечает на риторические уловки Спасовича.

Начнем со вступлений (понятие диспозиции, “расположения”) у Спасовича и Достоевского, то есть с демонстрации «нравов», аргументов к этосу (о жизненной и судебной драме см. выше, в отрывке из воспоминаний В. В. Виноградова). У обоих агональных (‘непримиримых’) риториков употреблен сходный приём для установления контакта с аудиторией, утверждения своего авторитета – «фигура скромности». По сути речь Спасовича – это свёрнутый диалог; Достоевский в полемике имеет преимущество: он оценивает сказанное (но вряд ли он думал о преимуществе, для него буквально вопросом жизни было спасти, оправдать поруганную душу ребенка и показать фальшь в аргументах судебного адвоката).

В первых строках умело построенной речи Спасович, человек «обстрелянный», привыкший «к подобным состязаниям», излагает план и свои намерения: с одной стороны, он «боится», что жертва истязания, «слабое, беззащитное существо», вызовет «чувство большого сострадания», а ее мучитель – чувство «такого же сильного негодования»; с другой стороны, видна решимость адвоката не

допустить этого: ведь он принял «к сердцу дело», которое защищает. Перед слушателями человек, лишенный человеколюбия и совести, недостойный называться интеллигентом. Во вступлении средствами манипулирования моралью и сознанием присяжных, в те времена людей малоразвитых и необразованных, являются оксюморон («обстрелянный» человек якобы «боится», последнее слово повторяется неоднократно) и два антонимических комплекса с аксиологической оценкой судьбы девочки и роли ее отца (см. начало абзаца). Эмоционально-экспрессивное начало речи софиста казуистически скрывает желание выдать за мнимую сердобольность стремление оратора к процессуальному успеху. Я, гг. присяжные заседатели, не сторонник розги, - восклицает «защитник», у него «задача – объяснить случай» и только. По словам Спасовича, не было никакого истязания: *...Если вы вникнете в обстоятельства, вызвавшие эту меру, если вы примете в соображение натуру дитяти, темперамент отца, те цели, которые им руководили при наказании, то вы многое в этом случае поймете...* [Спасович 1894: 50]. Далее в этой же фразе софист применяет дополнительно два приема, против которых яростно боролся Сократ (см. диалог Платона «Апология Сократа» [Платон 1999]): адвокат оказывает давление на присяжных и льстит им, склоняя к оправдательному вердикту: *...Раз вы поймете – вы оправдаете, потому что глубокое понимание дела непременно ведет к тому, что весьма многое объяснится и покажется естественным, не требующим уголовного противодействия* [Спасович 1894: 50]. У участников процесса не вызвала протеста аморальная точка зрения Спасовича: он ни разу и в дальнейшем не пожалел пострадавшую семилетнюю девочку, никогда не знавшую родительской ласки; ребенок за несколько месяцев до драматического инцидента – избиения попал в незнакомую ему среду, от чужих для него воспитателей к Кронебергу, девочка не понимала русской речи, говорила только по-французски (так с ней общались и в новой для нее семье).

Противоположную мораль взволнованного, негодующего и саркастичного человека (то есть также демонстрацию «нравов», аргумента к этосу) мы видим во вступлении к очерку Достоевского. Причем при сравнении способов изложения мы видим у Спасовича образец судебного красноречия (в софистическом смысле, о котором предупреждал ещё Сократ, см. [Платон 1999: 487]); Достоевский обращается к чувствам читателей, постепенно превращая их в своих единомышленников. Очерк Салтыкова-Щедрина написан в присущей ему манере, напоминающей

официально-деловое письмо, полное сарказма, с поучающими врезками. У нас будет возможность сопоставить морально-этические позиции, обозначенные в очерках Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

«Фигуры скромности» (аргументы к этосу) во вступлениях у Спасовича и Достоевского имеют разную речевую окраску: в ответ на серьезное и нейтральное изложение у Спасовича (профессорский навык, а также влияние обстановки в суде присяжных) Достоевский не может сдержать эмоций (о тексто- и стилеобразующих факторах см. [Николина 2007: 242–265]). С иронией, переходящей в сарказм, он неоднократно повторяет: «я совсем не юрист» или «впрочем, тут я опять не компетентен и умолкаю»; про свой очерк он пишет: *Впрочем, сознаюсь, это даже не мысли, а так всё какие-то чувства* [Достоевский 1981: 50, 52]. Человек чести, он воздействует на читателя в жанре эпистолы (перлокутивный эффект); обращает на себя внимание экспрессивность описываемой ситуации, особенно в предикативных группах: *Помню, какое первое впечатление произвёл на меня номер «Голоса»... Это случилось со мной в десятом часу вечера, совсем нечаянно* [архаичное наречие, в значении 'неожиданно'. – Ж. Г.]... *Я вздумал тотчас же съездить к одному... человеку, рассчитывая..., что ему, в данную минуту, скорее всех моих знакомых может быть известно окончание дела и что даже наверно, может быть, он и сам был в суде. Я не ошибся, он был в суде и только что воротился; я застал его, в одиннадцатом часу, уже дома, и он сообщил мне об оправдании подсудимого. Я был в негодовании на суд, на присяжных, на адвоката* [Достоевский 1981: 50–51].

Продолжим анализ аргументов к пафосу, которые, являясь базовой частью риторики, входят в важнейшую, заключительную часть произведения. Достоевский, олицетворявший в очерке извечную борьбу закона и человеческой совести, так сформулировал общественно-нравственную суть роли адвоката (увещательный тон в части отрывка звучит как возможная уступка в агональной борьбе): *...Клиент г-на Спасовича мог подпасть, в обвинении по истязанию, под одну из самых строгих и неприменимых, во всяком случае, к размерам его преступления статей закона... Ну, казалось, так бы прямо и разъяснить нам это недоумение: «Было, дескать, истязание, да всё же не такое,... а потому и нельзя обвинить моего клиента в истязании». Но нет; г-н Спасович уступить ничего не хочет, он хочет доказать, что не было совсем никакого истязания, ни законного, ни незаконного, и никакого страдания, совсем!... Ведь*

всё же равно ребенок страдал: неужто же не страдал, неужто же не истязали его на самом деле, взаправду-то, неужто же можно нам так отводить глаза? [Достоевский 1981: 65–66]. Книжное по окраске начало отрывка оттеняет особую экспрессию большей его части (аргумент к пафосу), выраженную в разговорных местоимениях, наречиях, модальных словах, частицах, в сниженном по окраске финальном фразеологизме (архаичное единство означает 'вводить в заблуждение, обманывать').

В очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина нет выражения таких риторических страстей, хотя он имел доступ к тем же материалам, что и Достоевский. В «Недоконченных беседах» содержится совет Спасовичу, как он должен был бы построить защитительную речь (сравните с этим совет или мнение Достоевского, полное душевной боли): *...На скамье подсудимых находится г. Кронеберг, который обвиняется в истязании своей дочери. Для того чтобы вы могли судить правильно, действительно ли г. Кронеберг виноват в том преступлении, за которое он преследуется ..., необходимо разрешить три вопроса: 1) имел ли г. Кронеберг право подвергать свою дочь телесному наказанию? – ответом на этот вопрос служит такая-то статья свода законов, которая вполне это право за ним подтверждает; 2) подавала ли Мария Кронеберг повод для педагогических воздействий на теле? – на это служит ответом энергическое показание доктора Сусловой, и 3) можно ли назвать употреблённые г. Кронебергом педагогические приемы истязанием? – на это даст вам ответ, во-первых, кассационная судебная практика и, во-вторых, достаточно удовлетворительный вид, который представляли ягодицы Марии Кронеберг при освидетельствовании. Я кончил* [Салтыков-Щедрин 1973: 225–226]. Перед нами совет более опытного юриста, как изначально можно было бы избежать общественного скандала. Есть и ирония, которая разбросана по отдельным местам очерка Салтыкова-Щедрина как субъективная модальность (оценка отношений между участниками процесса, экстраполированных на общую обстановку произвола и деспотизма в обществе). Достоевский и Салтыков-Щедрин считают состояние морали у адвокатуры безнадежным, однако и здесь душевным страданиям Достоевского противостоит представление об образе «золотаря» в главе V «Недоконченных бесед» Салтыкова-Щедрина. Основное в мирозерцании Достоевского, что отличает его оценку положения от оценок, данных Спасовичем и даже Салтыковым-Щедриним, – это горячая вера в Христа (подробнее см. [Бурсов 1982: 17]).

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А., 1994, *Миросозерцание Достоевского*. In: Н.А.Бердяев. Философия творчества, культуры, искусства: В 2-х тт. – Т.2. – Москва: Искусство. – С. 8–150.
- Бурсов Б. И., 1982, *Личность Достоевского (роман-исследование)*. In: Б. И. Бурсов. Избранные работы: В 2-х тт. – Т.2 – Москва: Государственное издательство художественной литературы. – 640 с.
- Виноградов В. В., 1975, Из истории изучения поэтики (20-е годы). In: *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. – Т. 34 – №3. – С.259–272.
- Виноградов В. В., 1980, *О художественной прозе*. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1930. – 190с. (перепечатка: В. В. Виноградов. Избранные работы. О языке художественной прозы. – Москва: Наука. – С. 56–175).
- Ганиев Ж. В., 2012, Риторика в понимании В. В. Виноградова (на материале текстов 70-х годов XIX века). In: *Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XII Виноградовские чтения»*. – Том I: Русский язык. Зарубежная филология. Ответственные редакторы Е. Ф. Киров, Н. Л. Огуречникова. – Москва: МГПУ. – С. 17–22.
- Достоевский Ф. М., 1981, *Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876. Февраль. Глава вторая; Подготовительные материалы*. In: *Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений*: В 30-ти тт. – Т.22. – Ленинград: Наука. – С. 50–73; 137–166.
- Николина Н. А., 2007, *Филологический анализ текста*. – 2 изд., исправленное и дополненное – М.: Издательский центр. «Академия». – 272 с.
- Платон, 1999, Горгий. Апология Сократа (переводы М. С. Соловьева, С. П. Маркиша). In: *Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор*. – Москва: Мысль. – С. 70–96; 477–574.
- Рождественский Ю. В., 1980, Проблемы риторики в стилистической концепции В. В. Виноградова. In: *Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX-X*. – Москва: Наука. – С. 20–35.
- Салтыков-Щедрин М. Е., 1973, Недоконченные беседы. Глава V. Отрезанный ломоть. In: *М. Е.Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений*: В 20-ти тт. – Т.15. – Кн.2. – Москва: Государственное издательство художественной литературы. – С.212–228.
- Спасович В. Д., 1894, Дело о банкире К., обвинявшемся в истязании своей семилетней дочери. In: *Сочинения В. Д. Спасовича*. –Т.VI. Судебные речи (1875–1882). – Санкт-Петербург: Книжный магазин братьев Рымович. – С. 49–71.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990: В 2х тт. – Т.2. – Москва: Государственное издательство художественной литературы. – 430 с.

- Фридлендер Г. М., 1981, [Комментарий к «Дневнику писателя. 1876» Ф. М. Достоевского] / Г. М. Фридлендер, Е. И. Кийко, В. А. Туниманов и другие. In: *Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений*: В 30-ти тт. – Т.22. – Ленинград: Наука. – С. 259–401.
- Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б., 2004, *Риторика*. – Ростов-на Дону: Феникс. – 384 с.
- Чудаков А. П., 1980, В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века. In: *Виноградов 1980*. – С. 285–315.
- Чудаков А. П. и Тодес Е. А., 1980, Комментарии. «О художественной прозе». In: *Виноградов 1980*. – С. 334–343.

Arguments to the Ethos & Pathos in the Work of Dostoyevsky-Journalist (Towards Rhetorical Analysis of Texts)

Summary

Russian literature has always been marked by a rhetorical focus. A special place in it is occupied by Dostoyevsky whose truly Russian enthusiasm helped him assert people's right to dignity, shelter, and comfortable life. His rhetoric stands by itself in the galaxy of the brilliant classics of the 18th – 20th centuries: it highlights the reasoning, the true Christian attitude to the plight of the characters Artwork. Many topics of his plotted works originated in Dostoyevsky's journalism. The analysis of texts plays a most significant part in teaching rhetoric.

Keywords: *rhetorical analysis of texts, Dostoyevsky-master of rhetoric (or: Dostoyevsky-rhetorician), the role of the arguments to the ethos & pathos in rhetorical work.*